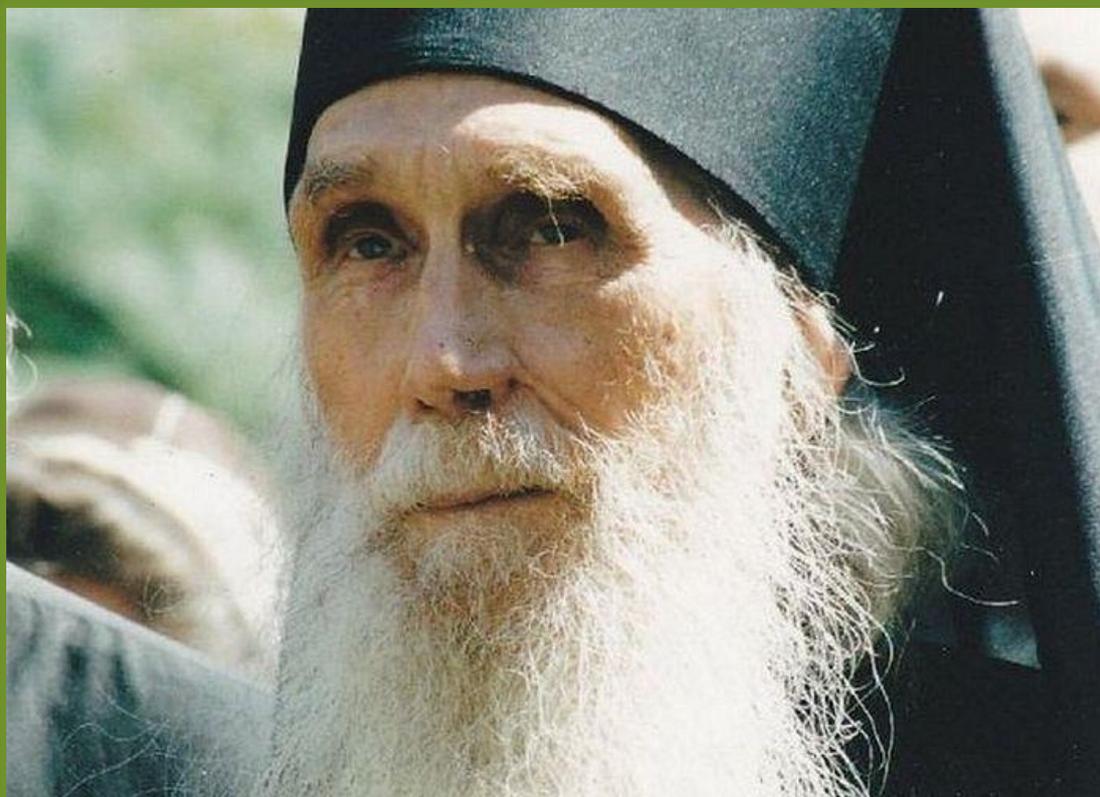

Величие смирения

Памяти архимандрита Кирилла (Павлова)

Об отце Кирилле (Павлове; † 20.02.2017) будет написано немало. Очень надеюсь, что увидят свет не только отдельные воспоминания о нем, но и книги, из которых люди смогут узнать об этом удивительном человеке, запечатлеть его образ в своем сердце. А я поделюсь хотя бы некоторыми фактами, некоторыми эпизодами, немногим из того, что запечатлелось так же в сердце моем, в надежде, что для кого-то это будет по-настоящему важно, как важно это для меня самого.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Когда я думаю об отце Кирилле, мне часто вспоминается старец из Патерика, почитавшийся всеми за великого праведника. Ему понадобилось отлучиться из пустыни в город, и он думал, как

быть: его смущала мысль о том, что люди, которых он встретит, будут воздавать ему почести, прославлять и возвеличивать его. Поэтому он решил отправиться в путь не днем, а ночью. И вот – Господь послал Ангела, который освещал для него дорогу.

Жизнь отца Кирилла, человека, известного, пожалуй, всей Русской Православной Церкви, через келью которого в Переделкине прошло бесчисленное множество людей, оставалась до самого конца сокровенной – не только в своей глубине, но и в ее подробностях. Известны из его биографии были лишь отдельные факты: война, Сталинград, чудесным образом найденное им в руинах разрушенного города Евангелие, семинария, Лавра и долгие-долгие десятилетия служения Богу, Церкви и людям.

Мало кто был так далек от любого «мнения» о себе, как отец Кирилл

Трудно, наверное, найти, кто был бы так далек от любого «мнения» о себе, как отец Кирилл. Я помню, как готовил много лет назад к изданию одну из книг его проповедей (в нее вошли проповеди на различные Богородичные праздники), и меня очень сильно тронули его слова о том, почему о Божией Матери так мало говорится в Евангелии: Она все время как бы отступает в тень, у Нее нет желания как-то проявить, показать Себя, у Нее лишь одно стремление – делать то, что угодно Ее Божественному Сыну. Мне тогда же подумалось, что именно это стало для самого отца Кирилла образцом для подражания: он всегда так же отступал в тень, не искал ровным счетом ничего «своего», но только Божиего, того, что, как он любил говорить, служит для «пользы и назидания братии». К слову, о проповедях... Проповеди ведь бывают очень разные – глубокие, интересные, содержащие множество важных фактов, яркие, сильные... Проповеди отца Кирилла – очень простые. Но когда я впервые читал их еще в руко-

писи, я вдруг понял: в них нет ни одного слова, которое не было бы подтверждено его собственной жизнью, все в них – из собственного опыта, почему и оказывали, и оказывают они на душу человека такое удивительное влияние. Помню, как я был счастлив, когда после многих моих просьб он достал откуда-то и передал мне несколько «томов», переплетенных вручную, и дал благословение подготовить их к изданию. Слово сокровище в руках держал – тем более что и не чаял уже его согласие получить...

Отец Кирилл буквально жил Евангелием, знал его практически наизусть

Вообще эта связь между словом и жизнью ощущалась в отце Кирилле совершенно особенным образом. И, наверное, в еще большей степени, чем в проповедях, проявлялось это при личном общении. Я помню, как однажды перед исповедью в его келье он повернулся к нам, чтобы сказать небольшое слово, увещание. Он говорил – говорил так, что хотелось слушать и слушать. И вдруг в какой-то момент я понял, что в этой проповеди нет ни одного его слова: вся она соткана из разных фрагментов Священного Писания Нового Завета. И в то же время... В то же время все, что он го-

ворил, было и его достоянием, содержанием его сердца. Я тогда только осознал, что это такое – когда человек, приняв от Бога дар, усваивает его, когда данное становится неотъемлемым. Я знал, что отец Кирилл буквально жил Евангелием, не отрывался от него, знал его практически наизусть (а точнее, наверное, именно что наизусть). Но опять же, именно тогда увидел, что это такое – то, что преподобный Серафим имел в виду, когда говорил, что ум человека должен «плавать в Священном Писании».

Как-то раз я услышал от него после исповеди совет, схожий с тем, о чем говорит преподобный авва Дорофей: отказывайся от страстей, так можно прийти к беспристрастию, а от него – и к бесстрастию. Я как-то горько и в то же время легкомысленно отозвался на него в том духе, что, дескать, в наше время бесстрастие – вещь вряд ли возможная. И, кажется, причинил этим батюшке настоящую боль: «Что ты! – сказал он. – Это не так, не верь этому! Это враг такие мысли в голову влагает!» И я, опять же, всем сердцем ощутил: не совет аввы Дорофея он цитирует, а о своем личном опыте говорит, делится им.

Эпизод маленький, в чем-то даже забавный, но такой характерный... Мы ждали батюшку в переделкинском храме, он шел к нам со стороны патриаршей резиденции, и кто-то остановил его вопросом. И вот мы видим сквозь открытую дверь: он стоит и беседует с человеком, а откуда-то сбоку подходит женщина, выглядящая вполне прилично, но, очевидно, нездоровая, и начинает гладить его бороду. А он... Он просто продолжает отвечать на заданный ему вопрос. Ее отводят в сторону. Она снова «прорывается» к нему. А он – снова не замечает ее.

*Архимандрит Кирилл (Павлов)
в келье*

Его совершенно не могло смутить, вывести из равновесия то, что постоянно лишает равновесия нас: в нем не было для подобного смущения никакой основы, не было ничего, чем обычно обнаруживается в человеке гордость, самолюбие. Пожалуй, именно это и было в нем самым удивительным: его смирение, такое, какого не довелось и вряд ли доведется увидеть в ком-либо еще. И снова – о связи слова и жизни. Од-

нажды, задавая ему какие-то вопросы о жизни монашеской, я сказал: мне кажется, что основное содержание этой жизни – покаяние. А он возразил: «Нет! Покаяние очень важно, но оно не цель, цель – смирение». И еще – в одной из проповедей мысль о том, что есть смирение, к которому человек понуждает себя. И есть совершенно иное – ставшее устроением, естественным, а точнее – сверхъестественным, благодатным состоянием человека.

И опять же – вчитываясь в эти строчки, отпечатанные на листах пожелтевшей от времени бумаги, я очень хорошо понимал, что и это – не теория, а опыт. И это – из того самого, «ставшего устроением», естественным, а точнее сверхъестественным состоянием.

Игуменья Арсения (Себрякова) писала когда-то, что лишь тогда человек может любить ближнего, когда готов уступить ему бес-

прекословно свое место. Какое место? – спрашивала она себя. И тотчас же отвечала: весь видимый мир. Эта готовность в отце Кирилле была ощутимой, как бы сама собой разумеющейся. Готовность уступить во всем, в чем это не вредно для души. И вместе с тем – поразительная сила и твердость. Та твердость, которая лишь на смирении и может быть основана, в которой нет ничего от жесткости, но одна только определенность и внутренняя ясность.

Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, какие перемены происходили с людьми по молитвам отца Кирилла. И тут тоже есть своя особенная черта: перемены эти происходили как бы ненароком, очень «незаметно», но связь прослеживалась крайне четко.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Моя хорошая знакомая, тогда еще совсем молодая девушка, жила вместе с мамой в другой стране, мама вышла там замуж и родила дочь. С течением времени стало понятно, что брак был ошибкой и надо возвращаться в Россию. Препятствие было одно:

по законодательству страны младшую дочь практически наверняка оставили бы отцу. Что делать, как быть – было совершенно непонятно. И тогда моя знакомая, будучи человеком даже еще не вполне церковным, написала отцу Кириллу письмо, в котором рассказывала об этой ситуации и сетовала на то, что сестру оставят отцу, а она ему и не нужна на самом деле. И получила ответ, в котором, наряду с прочим, были и такие слова: поскольку сестра отцу не нужна, то забирайте ее и возвращайтесь домой. Такой вот совет, самоочевидный в общем-то. И совершенно неисполнимый. Но делать было нечего: жизнь складывалась так, что в любом случае развод был неизбежен. Трудно это рационально объяснить, да и не нужно, но факт остается фактом: суд принял решение отдать девочку матери. Сейчас она взрослая девушка и живет в России. А старшая сестра многие годы трудится на одном из приходов Москвы. Иначе, как чудом, случившееся она не назовет.

Так же, как и семья, с которой мы ехали как-то в Переделкино: мама, папа и сын – Кирилл. Я спросил их, с чем они едут к батюшке. И узнал, что вопросов у них никаких нет, и проблем, и сложностей никаких особенных. Были – в прошлом, когда врачи сказали, что детей у них не будет. Тогда-то они и приехали к отцу Кириллу в первый раз. И получили совет: а вы... рожайте ребенка. И родился – Кирилл. И они ничего не хотели, кроме как поблагодарить батюшку и показать ему мальчика. «Хотя, – говорил отец, – сколько по молитвам батюшки родилось таких Кириллов!»

Когда отцу Кириллу задавали серьезный вопрос, он молился и просил о вразумлении

Когда отцу Кириллу задавали серьезный, требующий ответа вопрос, то было очевидно, что он молится и просит о вразумлении. И иногда было совершенно явно: ответ есть. А иногда было по-

нятно, что нет – ничего не извещает Господь сердцу. И он мог тогда сказать, например: «А что говорят врачи (если речь шла об операции)? Поступайте, как они советуют». А мог сказать и иначе: «Не знаю».

Наша прихожанка находилась одно время в очень сложном положении: муж решил уехать из России, ей же уезжать категорически не хотелось, но оставить его она не могла. И она попросила меня поговорить об этом с батюшкой. Я передал ему ее вопрос: как тут быть? Он молился, долгое время сидел, погруженный в себя, но ответа так и не дал. Я вышел, ждал в коридоре кого-то из братии, кто еще не исповедовался. И неожиданно дверь кельи отца Кирилла открылась, и он позвал меня – радостный, веселый даже. Ответ у него уже был: «Знаешь, вот что ей скажи: если ей дорог муж, то пусть едет, а потом пусть возвращается – с ним». И она с мирным сердцем поехала. Спустя очень недолгое время муж решил, что отъезд был ошибкой, они вернулись в Москву, и на этом все благополучно завершилось.

Рядом с отцом Кириллом было удивительно спокойно, словно все замирало вокруг. Удивительно тихо, словно безмолвие царило, словно время останавливалось. Удивительно тепло: ты отогревался, и сердце твое оживало. Я помню, как много раз думалось мне, когда я слушал разрешительную молитву, ощущая его руку сквозь епитрахиль на своей голове: «Вот сейчас, покайся, в этом удивительном мире и покое и отойти бы в мир иной – ничего больше не надо...»

Архимандрит Кирилл (Павлов) на одре болезни

Рядом с отцом Кириллом было удивительно спокойно, словно все замирало вокруг

И когда батюшка был уже прикован к постели, когда едва-едва теплилась в нем жизнь, то же самое чувствовалось в присутствии его – покой, тишина и это тепло. Он лежал – исхудавший, слабенький, чуть живой – и говорил мне в ответ на что-то: «Ты только держись, не унывай!», – так что казалось, что не он поражен болезнью, не он страдает день за днем, а я.

То же чувствовалось и тогда, когда он уже практически не приходил в сознание, когда можно было просто постоять какое-то время рядом, приложиться к его теплой и большой руке, бесильной и вместе с тем наполненной силой. Ни о чем не говоря, ничего уже не спрашивая, не советуясь, а просто радуясь тому, что он еще здесь, с нами, что можно вот так согреться вблизи него, ощутить, как смягчается, умиряется сердце.

А ныне... Ныне закончился его многотрудный земной подвиг. Такой сокровенный, такой удивительный в его смиренном величии. И на душе – радость, оттого, что дал наконец верному труженику Своему Господь упокоение от трудов. И скорбь – потому что мы еще здесь, и как бы по-детски, как бы малодушно ни прозвучало это, но трудно не испытать чувство какого-то горького, хоть и не безнадежного сиротства.

Не безнадежного, конечно. Ведь он, который всегда всех помнил по именам, подчас – даже тех, кто успел побывать у него лишь однажды, – не забудет нас и там, где он сейчас. Не забудет.

Игумен Нектарий (Морозов)

